

ФРАНЦУЗСКИЕ МИНИАТЮРЫ ИЗ СЕМИ КОДЕКСОВ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Сообщение О. Добиаш-Рождественской и А. Люблинской

Богатое собрание западных фондов в Рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде включает, наряду с ценнейшими древними кодексами V—IX вв. и большим множеством автографов замечательных людей XVI—XIX вв., также интересную коллекцию рукописей с миниатюрами. Большая часть этих рукописей, поражающих подчас роскошью своего убора,—создание французского искусства, творение сперва безыменных художников, работавших в тишине монастырского затвора, затем, с XIII в., цеховых, а в дальнейшем придворных мастеров. Имена их нередко известны и связаны с настоящими перлами французского искусства миниатюры. Если до XIII в. литературные тексты еще редки и художники украшают кодексы, главным образом, богословского содержания, то, начиная с XIII в., когда французский язык начинает решительно преобладать над латинским, наряду с религиозными и историческими текстами (анналы, хроники), предметом особенно тщательного письма и богатого убора становятся именно литературные произведения и преимущественно рыцарские романы на темы античные и современные художнику.

Они представлены в Публичной библиотеке рядом прекрасных кодексов, над иллюстрацией которых потрудились в некоторых случаях первоклассные художники: «Подвиги Юлия Цезаря», многочисленные варианты «Романа о троянской войне», романы Александра де Берне, Жильбера де Монтрейля и др. На миниатюре первой из этих рукописей застывшие на золотом фоне кони и всадники в доспехах скованы еще традициями монастырского искусства, на других же массовые и иные сцены скомпонованы рукой уже иного, несомненно, светского мастера, и действие развертывается на пестрых ковровых фонах, приоткрывающихся на настоящую живую природу: синее небо и синее море, зелень лугов или мрак ночи. В маленьких, но изумительных по блеску красок миниатюрах, иллюстрирующих роман Александра де Берне, запечатлен весь быт феодально-рыцарского мира, живущего своей авантюрной жизнью под масками античных имен. Аллегорические и нравоучительные сюжеты, как, например, «Спор доблести и судьбы» («Le debat ou estrif de vertu et fortune»), «Любовное гадание» («Jeu d'amour»), или же сатирические: «Роман о Фовеле» («Le roman de Fauvel»), также украшены иногда замечательными миниатюрами, как, например, хорошо известная единственная миниатюра в рукописи «Спора доблести и судьбы» или чрезвычайно живые и выразительные сценки, исполненные далеко не первоклассным художником, изобразившим все огорчения супружеской жизни в кодексе, лукаво озаглавленном «Пятнадцать брачных радостей» («Les quinze joyes de mariage»).

Большинство всех этих рукописей, входивших до последнего десятилетия XVIII в. в состав библиотеки Сен-Жермен де Пре, попало в Россию, в тогдашнюю Императорскую публичную библиотеку, в начале XIX в., как часть коллекции П. П. Дубровского, составившего, за время своего пребывания в Париже в годы Французской революции, любопытное и ценнейшее собрание рукописей и автографов. Отдельные части его коллекции, как, например, древнейшие рукописи, неоднократно подвергались детальному и тщательному исследованию¹; некоторые из иллюминированных рукописей литературных произведений нашего хранилища дождались своих исследователей, другие еще ждут их. Настоящим кратким сообщением мы попытаемся восполнить этот пробел для нескольких французских миниатюр из числа лучших, подчеркивая, однако, что эти заметки должны рассматриваться лишь, как первые наброски того исчерпывающего описания рукописей с миниатюрами Публичной библиотеки в Ленинграде, которое должно быть осуществлено и постепенно осуществляется силами ее работников.

1. Бестиарий. *Bestiarium sive Historia Naturalis*, XII в. (*Lat. Q v V N 1*). Латинский кодекс на пергамене. Со времени исследования А. Гольдшмидта, сделанного по предварительному этюду А. Константиновой, кодексу следует указывать английскую провениенцию². Однако, длительное, судя по французским припискам и следам стертых пометок, хранение кодекса во Франции, его принадлежность французскому владельцу в XVI в. (надпись этой эпохи на листе 90-м: «*Nic liber attinet ad Franciscum de la Morliere*»), а еще более теснейшая политическая и культурная связь северо-западной Франции с Англией, именно в конце XII в., когда Руан был преимущественным местопребыванием английского двора и средоточием англо-нормандских литературных и художественных деятелей,— всё это дает полное основание вводить данный памятник в культурное наследие Франции, в ее английских средневековых связях. Он в этом смысле особенно своеобразно и интересно открывает небольшую нашу серию.

На большинстве страниц кодекса расположены иллюстрирующие текст рисунки, в красках, числом более сотни. Здесь изображены четвероногие, птицы, рыбы, змеи, реальные и фантастические, все—в живом движении, в позах выразительных и естественных, схваченных метким наблюдением и верным рисунком. Воспроизводимые нами изображения лебедя и группы журавлей (см. след. стр.) даны в рукописи на зеленом фоне с золотым углублением, прекрасно оттенены этим фоном в белых и жемчужно-серых красках своих крыльев, рельефны и полны своеобразной жизни.

2. Французский кодекс конца XIII—начала XIV в. (*Fr. Q v XIV N 4*). Он дает произведение поэта XII в. Александра де Берне «Роман об Атисе и Профилиасе» и составлял некогда одно целое с нынешним кодексом Публичной библиотеки *Fr. Q v XIV N 3*—«Романом о фиалке» Жильбера де Монтрейля (с его великолепной заглавной миниатюрой, изображающей весеннее состязание певцов). Художественная иллюстрация обоих, ныне разделенных, частей вышла, несомненно, из одной мастерской, украсившей прекрасный готический, с вьющимися по полям виноградными веточками и тонкими золотыми листочками, кодекс 26-ю небольшими, но незаурядного изящества миниатюрами. В них воплощена вся полнота рыцарского быта: сцены охоты, поединки, битвы, игры, праздники и свадьбы, сцены в замке и у его стен, морские пейзажи и эпизоды

Cygnus

Olor est avis: qm̄ greci cygnū vocant. Olor enī
 dicitur qd̄ ut totū albi pluvius. nullo enī meminit
 cygnū nigri. Olor enī grece totū dicitur. Cygnū autē
 nendo ꝛ appellat. eo qd̄ carminis dulcedine mo-
 ditans vocibz fundit. Ideo autē suavitē eū canere di-
 cunt. qd̄ collū longū ꝛ inflexū hēt ꝛ necesse ꝛ eluc-
 taturē vocē plonqū ꝛ flexuosū ter variat reddere
 modulationet. hēt autē in v̄p̄bores paraly p̄cūe
 ubz ac̄l̄ v̄redidit. Olor est plimos aduocari apteqꝫ ad
 modū c̄m̄ere. Olor autē latinū nom̄ ꝛ nā q̄ cy-
 gnū dicit. Nature ū sibi hēt bonā prognosim facē dicit.

11
 sic emulati dicit. Cigni mansueti sunt simplicissimi aie
 hē optant naturē q̄ se n̄ in egr̄o mundis.

Cives cypria voce. nomen simpliciter. Cui
 enī sono susurrant. Hec pigritie meminit
 qualē ex pedatione suat dirigant. Sub qd̄ā mli-
 cie ante cygno ꝛ ideo ne p̄gentibz ad destinātā r̄am.
 flatuū audiāt. Arenas denotant sublatiqꝫ lapil-
 lunt. admodū tā ḡntatē saburrant. Et c̄rendi
 malissima. ut de excelsoi specula intueant. qd̄
 p̄cant. utat. He autē dū p̄ant. unā sequit̄ ordine
 l̄tato. fides manu ꝛ p̄t̄. Volat̄ desideriam
 castigar. uoc̄qꝫ cogre agmen. Et ū ob m̄icata ꝛ

ЛЕБЕДЬ

ЖУРАВЛИ

на дорогах. Воспроизводимая нами миниатюра (см. стр. 865) заимствована из главы, повествующей, «как король Биллас собрал вокруг себя лучших рыцарей для защиты и помощи» («comment le roi Billas fait tous les meilleurs chevaliers tenir entour soy pour le defendre et aider»). Утонченная изысканность французской готической миниатюры лучшей поры и неувядающий блеск чудесных красок нашли отражение в нашей миниатюре, оттеняемой чуть приметным сверканьем золотых поясов, мечей и корон.

3. Часовник. *Livre d'Heures*, конца XIV в. (*Разнояз. Q v I N 8*). Небольшой пергаменный кодекс, «разноязычный»: латино-французский, как и большинство этих молитвенных книжек, особенно более поздних, предназначавшихся чаще всего для дам знатных и буржуазных и соответственно более всего украшенных сценами из жизни мадонны. Вошедший в Публичную библиотеку после революции, в 1917 г., из б. коллекции Юсупова, изящный кодекс, повидимому, уже был оценен бывшими владельцами, как драгоценное художественное сокровище, нигде, впрочем, тогда не описанное. Анализ его миниатюр показывает, что если значительная их часть выполнена разными руками, подчас руками учеников и младших мастеров (что обычно так характерно для этого типа книг), то лучшие миниатюры, как и организация целого, принадлежат славному парижскому миниатюристу конца XIV в., Жакмару Эдену (*Jacquemart de Hesdin*)³.

4. Знаменитый кодекс поэмы *Venoît de St. More, Le Roman de la guerre de Troie* (*Fr. F v XIV, N 3*), на французском языке, написанный, однако, тем округленным готическим письмом, которое обличает итальянское влияние. Ту же итальянскую, северную (сиенскую?) стихию обнаруживают и его иллюстрации. Они покрывают verso и recto почти всех листов кодекса, давая всего 329 миниатюр. Произведенные в таком множестве, они, очевидно, не были произведением мастера высокой марки, а принадлежат разным, отчасти ремесленным, рукам. Но в богатстве и жизнерадостном пафосе их сюжетов (сцены на земле и на море, на площадях и в интерьерах, полные движения многочисленных группы), в разнообразии и роскоши красок (более всего тканей: пестрых, полосатых, узорчатых, всегда многоцветных) они обличают жизнь, проникнутую восточными влияниями эпохи после крестовых походов, атмосферу какого-нибудь приморского города, обращенного на левантские пути. Все страницы, как и изображенная на нашей репродукции (см. стр. 867), одеты цветущей рамой, в стиле и красках итальянского Ренессанса, с его резными листьями и золотыми яблоками. Над главной сценой, в нижних этажах пилястров, в открытых окнах показываются группы второстепенных персонажей: нарядных зрительниц, зевак и музыкантов. Главная сцена, как гласит текст, представляет свадьбу Париса и Елены, обручающихся перед Приамом в присутствии многочисленных гостей, под трубные звуки. Сцена дышит весельем Возрождения.

5. Северо-французский (фландрский) кодекс середины XV в. (*Эрм. фр. 88*). Это—«Большие французские хроники» («*Les grandes chroniques de France*»), роскошно иллюминированные по заказу Гильома, епископа Туля и аббата монастыря св. Бертена в Сент-Омере. Текст рукописи (441 лист) украшают 90 миниатюр, исполненных, почти несомненно, Симоном Мармионом (*Simon Marmion*) и его учениками в 1455—1457 гг. Рукопись была выполнена для поднесения Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому (1396—1467), пожелавшему иметь виденную

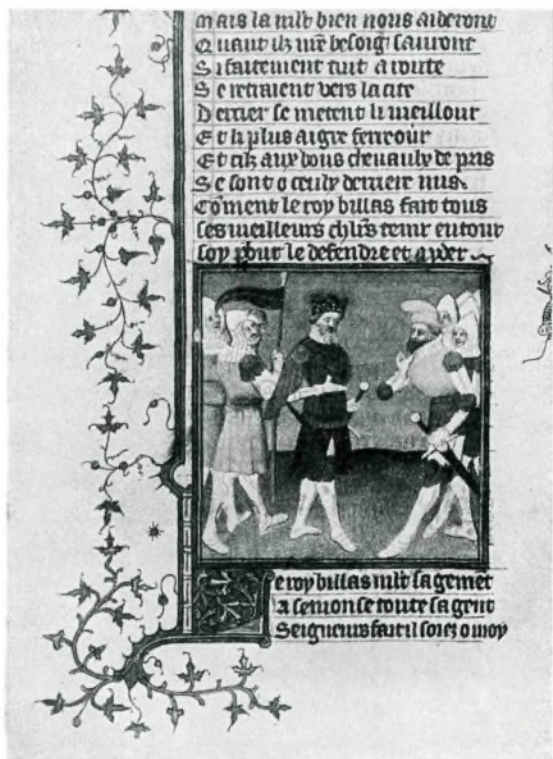
ГИЛЬОМ ФИЛЛАСТР, ЕПИСКОП ТУЛЯ, ПОДНОСИТ РУКОПИСЬ БОЛЬШИХ ФРАНЦУЗСКИХ ХРОНИК
ФИЛИППУ ДОБРОМУ, ГЕРЦОГУ БУРГУНДСКОМУ

Миниатюра Симона Мармиона (?) из рукописи „Grandes Chroniques de France“, 1455 – 1457 гг.

Публичная библиотека, Ленинград

им в Сен-Бертенском аббатстве «Хронику», и до 1223 г. (года смерти Филиппа-Августа) воспроизводит текст «Больших французских хроник», а далее следует за текстом Гильома из Нанжис (Guillaume de Nangis)⁴. Исключительные по художественным достоинствам миниатюры рукописи по манере распадаются на четыре группы; к типу воспроизводимых нами здесь относятся 15 миниатюр.

Первая из них (на первом листе книги) изображает сцену подношения самой рукописи (см. таблицу перед данной стр.): ее держит в руках дари-

КОРОЛЬ БИЛЛАС СОБИРАЕТ СВОИХ РЫЦАРЕЙ
 Миниатюра конца XIII—начала XIV вв. из рукописи
 „Роман об Атисе и Профилиасе“ Александра де Берне
 Публичная библиотека, Ленинград

тель, Гильом Филатр, бывший в 1449—1460 гг. епископом Туля. Он в роскошном облачении стоит перед герцогом, восседающим на скамье со спинкой. Филипп окружен своими приближенными: по его левую руку—престарелый канцлер Ролен (Nicolas Rolin, 1376—1462), по правую руку, вероятно, Шевро (Jean Chevrot), епископ Турне, стоящий меж двух сыновей герцога—Антуана (старший, батард, род. в 1421 г.) и юного графа Шароле (будущий Карл Смелый, 1433—1477). Оба брата, крайне схожие лицами, носят цепь Золотого Руна.

Вторая воспроизводимая нами миниатюра (27-я по общему счету) украшает лист 120-й «Хроник» (см. табл. перед стр. 785). Справа на ней изображена коронация Карла Великого в церкви св. Петра в Риме. Черты самого императора даны традиционно, окружающие же его лица даны

художником, как портреты его современников. Слева—сцена следующего, 801 г., отнесенная хроникером ошибочно к Венеции вместо Portus Veneris (ныне Portovenere): посланный Карлом к «царю персидскому» еврей Исаак по возвращении подносит, стоя на коленях, обильные подарки, в том числе «олифанта» (слона), Карлу, выходящему из своего дворца с мечом и державой в руке.

Третья из воспроизводимых здесь миниатюр, с листа 154-го рукописи (см. табл. перед стр. 833), посвящена одному из любимейших эпических моментов французской феодальной поэзии, Ронсевальской битве, и композиционно объединяет целый ряд связанных с этой битвой эпизодов похода Карла Великого в Испанию.

Ганелон, посланный за заложниками к «сарацинским царям» Марсилию и Балигану и подкупленный ими, привозит от них Карлу и баронам богатые дары, уверяя императора в их покорности. Эта сцена занимает нижний левый угол миниатюры. Выше изображена решительная схватка франкского арьергарда с «сарацинами». Наверху, в лесу, Роланд заставляет пленного указать ему на Марсилию, нападает на царя (вверху слева) и убивает его. Правее, под деревом, Роланд показан уже мертвым. Внизу справа епископ Турпин служит мессу, во время которой ему явилось видение, изображенное художником на небе справа: бесы влекут сарацин в ад, архангел Михаил⁵ несет в рай душу Роланда. Справа же, на втором плане, Карл, слыша рог, хочет вернуться на выручку Роланду, но Ганелон его отговаривает, а выше, на третьем плане,—казнь предателя Ганелона.

6. Французский кодекс XVI в., прекрасного письма с голубыми и красными рубриками (*Fr. F v XIV N 8*). Это—французский перевод поэм Андрелини и других поэтов эпохи французского Ренессанса. Он предназначен был для поднесения супруге короля Людовика XII, Анне Бретанской. Поэмы облечены в форму писем супругов, разлученных итальянским походом короля. Большинство миниатюр, в соответствии с этим, изображает в различных вариантах все ту же сцену: написания и отправки письма. То король пишет наспех, стоя в палатке, тогда как позади виднеется гонец на коне. То королева, в кругу своих дам, прервав на время письмо, подносит платок к глазам, покрасневшим от слез... Приблизительно такая сцена изображена на нашем снимке (см. стр. 868). Королева, в алом одеянии с золотыми каймами и отворотами, передает гонцу свое письмо. Прочные, яркие краски обличают умелого колориста, концепция и осуществление сцены—хорошего наблюдателя и мастера рисунка и компановки, артиста незаурядного, вопреки всей «сервильности» придворного и галантного вдохновения, проникающего всю совокупность сцен. Это кисть или, во всяком случае, школа Жана Бурдишона (1457—1521)—слуги и мастера королей и более всего королевы Анны, связавшего с ее именем свой незаурядный талант, посвятившего ей ряд произведений своего услужливого мастерства⁶.

7. Кодекс «Четырех речей Цицерона» в переводе на французский язык, Etienne le Blanc, Quatre Oraisons de Cicéron traduites en français, 1526—1538 (*Fr. F v XV N 3*), в изящном французском готическом письме. Поднесенный барону Анну Монморанси с торжественным ему посвящением, кодекс украшен только одной (но исключительного достоинства) миниатюрой (см. т. I наст. изд., табл. перед стр. 1). Кто в музее Шантильи любовался королевскими и сеньеральными портретами

СВАДЬБА ПАРИСА И ЕЛЕНА

Миниатюра XIV в. из рукописи поэмы „Роман о троянской войне“ трувера Бенуа де Сент-Мора

Публичная библиотека, Ленинград

КОРОЛЕВА АННА БРЕТАНСКАЯ ВРУЧАЕТ ПИСЬМО ГОНЦУ
Миниатюра Жана Бурдишона (?) XVI в. из рукописи „Поэмы в письмах“
Публичная библиотека, Ленинград

руки Жана Клуэ (портрет Монморанси)⁶, тому, глядя на сцену, которая дана на нашем снимке, трудно отделаться от иллюзии, что он находится перед произведением его кисти. Большая столовая (ее стиль знаком всякому посещавшему французские замки эпохи Ренессанса), с украшающею стены золотой и серебряной (может быть, оловянной?) посудой. Сквозь прозрачные решетчатые окна открывается вид на светлый летний пейзаж средней Франции. На переднем плане—барон, в сиреновой бархатной, с золотой вышивкой, *cotte* и алом, на горностае, им же опушенном, *surcôt* с буфчатыми рукавами, обратил к зрителю свое лицо, обрамленное по полным и нежно-розовым щекам небольшою бородкой—мода эпохи и любимый облик в портретах художника. Каждый из собеседников, повернувшийся то в профиль, то прямо, различно переживает сцену; нежные краски их лиц, всегда красивых и тонких, подчеркнуты темными бархатными беретами и комбинацией цветов одежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Dom Antonio Staerk, *Les manuscrits latins du V au XIII siècles...* St.-Petersbourg, 1910. Более старая литература указана у Dobias-Roždestvenskaja, *Les anciens manuscrits latins de la Bibliothèque Publique de Léningrad*, fasc. I, L., 1929; Ее же, *Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830* reflétée dans les manuscrits de Léningrad, L., 1934.

² A. A. Konstantinowa, *Ein englisches Bestiar des XII Jahrh. mit einem Vorwort von Adolf Goldschmidt* («Kunstwissenschaftliche Studien», Bd. IV), Berlin, 1929.

³ R. Lasteurie, *Les miniatures d'André Beauneveu et de Jacquemart de Hesdin*, P., 1896 (*Monuments Piot*, III), 71.

⁴ S. Reinach, *Un manuscrit de la bibliothèque de Philippe le Bon à St.-Petersbourg*, P., 1904. («*Monuments Piot*», XI).

⁵ Можно сказать, слегка изменяя слова Э. Маля: «Кто перелистает эту рукопись и сравнит ее с Часовником Анны Бретанской, убедится в авторстве Бурдишона или его ученика»; см. этюды Е. Мале в «*Gazette des Beaux Arts*», XXVII, 1902, 185, и XXXII, 1904, 44.

⁶ *Crayons français du XVIe siècle conservés au musée Condé à Chantilly. Introduction et notices* par E. Moreau-Nélaton, P., табл. 146.